

НОЛЬ

Один, стоп, хватит! Два, три – прекрати и слушай мой голос. Внимание, ты слышишь мой голос? Удивление, что слышишь мой голос, отступает на четвертый план, так же как и ярость, слезы, весь негатив... ведь сейчас ты больше не в состоянии слышать что-либо кроме моего голоса, который тихо и мерно считает: пять, шесть, спокойна, ты совершенно спокойна, семь, восемь, ведь силу воли ты полностью отдала вибрации голоса, медленного и текучего, обволакивающего тебя, девять, десять, нет повода для посторонних мыслей, а значит – и для беспокойства... Тебя ничто не отвлекает, ноги тяжелые, руки тяжелые, голова пуста, голова пустая и тяжелая, волосы удачно уложены, красивый узор на ногтях, а ты всё пытаешься разглядеть что-то впереди, но всё так смутно и странно, и никто не говорит тебе, как жить, во всём приходится разбираться самой, а потому тебе быстро становится скучно, за стеной дождя ты теряешь счет дням и ночам, засыпаешь, просыпаешься – и как праздника ждешь весну, только не календарную, а настоящую. Одиннадцать, двенадцать, и вот числа тринадцатого на город вдруг обрушивается жара, и вы с подружкой наконец-то договариваетесь о встрече как раньше у колоннады. Несмотря на то, что живет за углом, Катя опаздывает; ты же, вероятно, впервые в жизни добираешься вовремя, из-за чего тебе в ожидании приходится доходчиво объяснять настырным прохожим мальчикам, что у тебя есть парень – и нет, зять твоей маме не нужен (тем более, в такой рубашке). Потом вы с Катей едете за блеском для губ, однако вас там ждет разочарование: продавец заявляет, что нужный оттенок, тот, который с ультра-комфортной формулой и двусторонним аппликатором, будет только завтра, а затем, хитро прищурившись, добавляет что-то насчет блеска глаз – и вы не сразу соображаете, что он шутит. И даже в новом магазине по соседству вроде долго копаетесь в бесконечном потоке несуразных вещей, тем не менее, в итоге, ничего не находите, кроме разве что прикольных штанишек, прикольные-то они прикольные, да слишком узкие и белые – с чем носить? когда носить? Короче, обе на нервах, увы и ах, и чтобы хоть как-то себя утешить, отправляетесь на бульвар есть пирожные – Катя, как истинный друг, готова плюнуть на свою диету, а ты, как истинный друг, готова никому об этом не рассказывать. Только в трамвае за вами увязывается парочка не совсем трезвых туристов из Венгрии, в такую погоду весь мир желает переспать с вами, и требуется время, чтобы избавиться от преследования, зато на их деньги покупаете себе сигарет, правда, не тех, которых хотелось. Хорошо же весна встретила! – и уже в кафе, заказав, после некоторых расчетов, наименее калорийные радости, вы с шумом перетаскиваете свой столик на террасе под навес, чтобы не сидеть под прямыми лучами света, а Катя, ни с того, ни с сего, в утешение, что ли, признается, как когда-то репетировала в престижной студии по шесть часов в день, и при поступлении ее всё же срезали на самой сильной части – песне и монологе – и мама плакала, и лучший друг отвернулся, остальным же у нее не было сил смотреть в глаза, так что она просто всё бросила и уехала... Ты же с талантами своими деревянными молчишь и, меланхолично кивая, понимаешь, что вы не так уже давно и знакомы – для подобных-то откровений – да и вообще тебе наплевать, завтра на учебу, уже три лекции пропущены у Захарченко, а этот похотливый горбун, он же однозначно не простит...

Всё так ясно и легко в этот момент: пирожные сладкие, кофе горький, ты расслаблена, поэтому мы здесь ненадолго приостановимся, не углубляясь в то, что

произошло на самом деле, пусть дальше будет всё совсем иначе – как? А вот для этого с красной строки, с чистого листа:

Помнишь, несколько лет назад ты обиделась на компанию своих друзей? Собрались, гады такие, с ночевкой на природу делать фотографии для музыкального журнала, совершенно запамятовав позвать тебя, – и ты решила потерять их из виду, хотя спустя время озадаченно почувствовала, что, пожалуй, тебе всё-таки не хватает общения с ними... Теперь же у обочины резко останавливаются две машины, и моментально, кувырком вываливается из них гурьба персонажей из прошлого: Аня, Ваня, Таня, Норик, Чижик с Железным Феликсом и еще несколько новых лиц – они окружают вас, громко смеются, несмотря на протесты официанток, и хвастаются плакатами с грустным кубинским революционером и подписью "Чей Гевара? Отдам в хорошие руки!", а Чижик, оглядываясь, бормочет, что за такие намеки нынче сажают. Ребята ничуть не изменились, все такие же, искренне рады видеть тебя, обнимают, целуют, щекочут и удивляются: до чего же глупо тогда вышло, с этой ссорой, прости-прости, и созваниваться перестали, ай-яй-яй, как нам не стыдно! И как само собой разумеющееся, вы дружно едете за город провожать закат. В багажнике звенят бутылки; Норик отвечает неловкие комплименты Кате; все опять смеются и рассказывают жуткие истории из жизни Ани, благо, она во второй машине. Даже потом, бегая по лесным окрестностям, вы продолжаете говорить, говорить, обсуждая поездки и отсмотренные сериалы, дорвавшись и желая наболтаться впрок, – и стихаете лишь тогда, когда карабкаетесь на старую вышку, напряженно сопя, и металлические перекладины лестницы оставляют рыжие следы на руках и ногах. На самой верхушке вы стоите гордые собой и позолоченные прощальным солнечным приветом, трепещете от сильных порывов ветра, слегка качающего вышку из стороны в сторону, а еще от усталости и эйфории, ощущения какого-то необъятного, многообещающего будущего, – и только чья-то очередная подружка ноет, что у нее нет прививки от столбняка... Тут ты осознаешь, что всю эту красоту можно запечатлеть, до чего, вроде бы, пока еще никто из вас не додумался, однако Аня так грустно смотрит на тебя, что ты поспешно прячешь телефон обратно, а Катя, внезапно вдохновившись, начинает петь песню из советского мультфильма (и как-то быстро становится понятно, почему ее «завалили» на экзаменах, настолько, что кто-то не сдерживается и прыскает, зажав рот рукой). А вечером, внизу у костра с печеной картошкой, молодой человек, которого ты никогда раньше не видела и больше никогда не увидишь, представляется Михаилом и измывается над узором на твоих ногтях, после чего увлекает за собой к озеру, якобы чтобы увековечить на дереве твои инициалы. И чуть позже ты, захлебываясь в поцелуях, но мгновенно отрезвев от липких, шарящих у тебя под майкой пальцев, упоминаешь, что вообще-то у тебя есть парень, – отчего Михаил, расхохотавшись, легко подхватывает тебя на руки и с разбега прыгает прямо в ледяную воду. Визги-брызги – и воспаление легких как последствие, так что ты еще неделю валяешься дома, с антибиотиками, чаем и ноутбуком, бездумно забывшись в объятиях социальных сетей...

Видишь, как славно я для тебя всё придумал? Отныне ты запомнишь начало весны именно так, ведь тот злополучный день вполне мог сложиться подобным образом, – а значит, ты никогда не задерживалась с подругой в кафе, после расставания с ней никогда не принимала идиотского решения сделать сюрприз и по дороге заглянуть ко мне в ателье, не открывала мою дверь дубликатом ключа, не видела то, чего тебе видеть не следовало, не впадала в истерику и не собиралась, по примеру Кати, всё бросить и уехать в столицу...

Зачем тебе это? Ты так очаровательна сегодня, а я, я слишком хорошо знаю тебя, да и привык (если хочешь, давай называть это «любовью»), поэтому ты спокойна, абсолютно спокойна, возможно, даже счастлива и ощущаешь притоки энергии, идущие от земли...

Внимание! Сейчас я начну обратный отсчет, а когда закончу – ты очнешься ото сна, улыбнешься и в течение нескольких минут сможешь рассуждать лишь на тему сервировки устриц. Итак, на счет «ноль».

Пять. Четыре. Три.

Два.

Один.